

Алайна Салах

Сводный босс

УДК82-31
ББК 84(2)
С16

Салах, А.

С16 Сводный босс / А. Салах. — М.: Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2021. — 306 с. — (Гасославия).

ISBN 978-5-521-92024-2

В поисках той самой прекрасной любви, моя мама покидает Москву и летит в Америку, к мужчине, с которым она познакомилась по интернету. Когда Колин предлагает мне стажировку в фирме, которую с недавнего времени возглавляет его сын, я соглашаюсь. По приезде выясняется, что влюбленные собрались в кругосветку, а меня оставляют жить под одной крышей с Гасом, парнем, который совсем не такой, каким кажется на первый взгляд.

BIC FA
BISAC FIC000000

© Алайна Салах, текст, 2021

© Э.С., обложка, 2021

© Т8 RUGRAM, 2021

© Т8 Издательские технологии, 2021

ISBN 978-5-521-92024-2

ГЛАВА 1

— Мы русские, с нами Бог, мы русские, с нами Бог, — бормочу я себе под нос, пока забитый до отказа «Боинг» грузно плюхается пузом на взлётную полосу. Эта подсмотренная в инстаграм фраза — единственное, что отдалённо напоминает молитву. Я совсем не набожная, но когда желудок подкатывает к горлу от того, что тяжёлая махина несётся к земле со скоростью двести семьдесят километров в час, отчаянно хочу верить, что Бог — это добрый старик, который слишком равнодушен к моим славянским корням, чтобы мстить за многолетний игнор, позволив склеить ласты в двадцать три.

Пока самолёт тормозит до полной остановки, я откидываюсь на спинку кресла и расслабляю вспотевшие ладони. Спасибо, Бог, спасибо, дяденька пилот, вы были великолепны. Справа раздаётся облегчённый вздох, и я понимаю, что всё это время сжимала руку сидящего рядом толстяка, который выглядит, как приглашённая звезда шоу «Похудевший больше всех». И судя по тому, что весь полёт он уминал жирные пончики из бумажного пакета, звезда очень боится растерять форму.

Я незаметно вытираю налипшую сахарную пудру о хлопок джинсовых шорт и извиняюще улыбаюсь ему. Сорян, пухленький, вот такие мы, русские дамы, впечатлительные. Я никогда не летала одна, всегда

с мамой, и это наш ритуал — держаться за руки во время взлёта и посадки.

Мама переехала в Америку полгода назад, познакомившись по интернету с разведённым бизнесменом Колином. Страсть немолодых вспыхнула ярко, и через неделю активной переписки и кокетливого хихиканья по Скайпу, Ромео примчался в Москву. Недельку сладкая парочка не вылезала из «Ритца» на Тверской, после чего Колясик, как его ласково прозвала мама, умчался по неотложным делам обратно, оставив возлюбленную с горой рыже-чёрных пакетов из ЦУМа и билетом в Нью-Йорк на ближайшую дату. В тот же день мама пригласила меня в ресторан, где за ужином, волнуясь и краснея, как школьница, сообщила, что Колясик «тот самый», и она переезжает к нему. Я, как хорошая дочь, разумеется, дала немолодым своё благословение, умолчав, что она так же думала и о Санечке, и о Павле Николаевиче, и о дяде Егоре, и о Паше, с которым познакомилась во время моего выступления на конкурсе бальных танцев. Мама всегда была лёгкой на подъём, и возрасту было не под силу искоренить её восторженный перфекционизм. Она долгие годы порхала от одного мужчины к другому в поисках той самой идеальной любви, о которой пишут в романах. Ну а кто я такая, чтобы говорить, что её поседевшему амуру пора повесить колчан на гвоздь и начать вязать носки?

— Слава! Слава! — мамин визг оглушает переполненный зал аэропорта имени Джона Кеннеди. — Милая, как я соскучилась!

Она бросается мне на шею и, сдавив грудную клетку до хруста, покрывает быстрыми поцелуями щёки. Щедро разукрасив их мазками «Руж Коко», отстраняется и озабоченно хмурит тёмные брови.

— Ты похудела, Славик. Ножки и ручки как веточки. Так и знала, что тебя нельзя оставлять одну: ты совершенно не следишь за питанием.

— Я тоже по тебе соскучилась, мам, — улыбаюсь я и приветливо машу рукой выглядывающему из-за её плеча Колину. — Hi, Colin, nice to see you again.

Колину Леджеру под пятьдесят, он высокий, симпатичный и, к счастью, не принадлежит к тем тридцати восьми процентам белого населения США, страдающих страдающим? ожирением. После того как два месяца назад я окончила высшую школу бизнеса при МГУ, он сам позвонил мне и предложил попытаться счастья в его фирме в Нью-Йорке. Я честно взвесила все за и против и в графе «против» нашла лишь одно — в лице старой подруги Веры, с которой мы были не разлей вода вот уже без малого пятнадцать лет. Сергей, сексуальная фантазия всех тусовщиц «Сибири» и по совместительству мой бывший парень, в список «против» не входил уже два месяца, после того как я выяснила, что его слова «Ты мой личный сорт героина», покоровшие меня на третьем свидании, были украдены из фильма, который он, как заявленный альфа и брутал, знать не должен, а фраза «Мой член встаёт только для тебя, детка» распространяется на весь факультет журналистики. Так что этот черноволосый мудака скорее моё большое жирное «за».

— По случаю твоего приезда Колясик забронировал стол в «Даниэле», — весело щебечет мама, когда мы подходим к сверкающему чёрному седану с мордой хищника на колёсных дисках. Колин услужливо распаивает для нас дверь, и мы вдвоём ныряем на упругое кожаное сиденье. — Это ресторан высокой

кухни, — добавляет она шёпотом, словно доверяет мне самый большой секрет, — очень дорогой.

Пока Колин занимает водительское кресло, я растерянно оглядываю свой вид: кожаная косуха, купленная пару лет назад в Испании, вылинявшие джинсовые шорты, армейские ботинки на шнуровке, собранные в конский хвост волосы и ноль макияжа. Мой любимый стиль, но для похода в ресторан он совершенно не подходит.

— Может быть, я хотя бы переоденусь и приму душ? — Я жалобно округляю глаза и с надеждой смотрю на маму.

— Милая, к сожалению, на это совсем нет времени. Твой рейс задержался на два с половиной часа, а Колин уже подтвердил Гасу встречу.

Гас — единственный и обожаемый сын Колина. Ни один разговор с мамой по скайпу не обходился без дифирамбов этому парню: примерный сын, с отличием окончил Гарвардскую школу бизнеса, вежливый и обаятельный, принял на себя руководство фирмой, когда в прошлом году врачи диагностировали у Колина болезнь Лайма. Двадцативосьмилетний парень настолько успешно вёл дела, что отец решил доверить ему управление фирмой на постоянной основе, а сам тем временем занялся устройством поросшей мхом личной жизни. И так получилось, что оленёнком, пожравшим этот ягель, оказалась моя мама.

Вздыхнув, я ныряю в лежащий на коленях рюкзак и нащупываю там зеркало. Если уж мне придётся столкнуться лицом к лицу с великим американским генофондом, то я, по крайней мере, должна выглядеть прилично. Глаза немного припухли от трёх литров

воды, выпитых в самолёте чтобы избежать обезвоживания, которым любит пугать мама, но с этим уже ничего не поделать. Кожа в порядке. Она у меня от природы ровная и смуглая, что избавляет от необходимости пользоваться тональными средствами. Губы тоже в порядке. Да чего душой кривить, знаю я, что симпатичная, а частое внимание мужского пола даёт все основания полагать, что это не пустое самомнение.

Дорогой я, как любой путешественник, восторженно кручу по сторонам головой, рассматривая пейзажи Нью-Йорка. Здесь круто, даже очень. Шумно, ярко, напоминает центр Москвы летом, наполненный беспрядочно снующими толпами туристов всех национальностей, но всё же ни на секунду нельзя забыть, что это совершенно другой город с особенной энергетикой пятидесяти остроконечных звёзд.

Машина Колина останавливается около представительного входа с красными дверями под широким навесом, на котором красными же буквами подсвечено название ресторана. Метрдотеля на входе, кажется, не смущает мой внешний вид, либо мама и Колин выглядят достаточно солидно, чтобы закрыть на это глаза. Он вежливо приоткрывает для нас дверь и просит проходить. Блондинка-администратор, похожая на породистую кобылку, дежурно улыбается нам крупными белыми зубами и проводит вглубь ресторана. Я переступаю грубыми подошвами по начищенным до блеска полам и убеждаю себя не нервничать из-за того, что несколько парочек, разбросанных по углам, будто бы специально разodelись так, чтобы посрамить русскую девчонку. Мысленно говорю им: «Fuck you» — и прибавляю шаг.

За столом, к которому мы подходим, задумчиво склонив голову к экрану телефона, сидит широкоплечий парень. Плечи — это первое, что я замечаю, если нет возможности увидеть его зад. Я вовсе не одержимая мужчинами самка, ничего подобного. Статья в «Космо» утверждает, что естественная реакция всех женщин — посмотреть на задницу парня, так же как у парней — посмотреть на женскую грудь. И здесь, к сожалению, мне нечем их обрадовать: неполная двойка, которую не в силах компенсировать даже хороший пуш-ап.

— Гас, милый, — воркует мама с чудовищным русским прононсом. Несмотря на то, что весь прошлый год она усиленно практиковала английский в дорогой школе иностранных языков, великий и могучий из её произношения так и не выкорчевали. Наверняка автор памятного «Лет ми спик фром май харт» выпустился оттуда же. — Позволь представить тебе мою дочь, Славу Жданову.

Парень отрывает взгляд от телефона и, расплывшись в белоснежной улыбке, встаёт. В какой-то передаче по радио я слышала, что у американцев хорошие зубы, оттого что они фторируют воду. Так вот, этот парень, судя по всему, ест фтор на завтрак, обед и ужин. На голове у него стильный тёмно-русый беспорядок, как если бы кто-то трепал его пальцами. Выступающие скулы, которые добавляют ему схожести с фотомodelью, и пронзительные голубые глаза под такими длинными ресницами, что мне от зависти хочется плеснуть ему на рубашку что-то горячее, чтобы он зажмурился и спрятал их. И ещё он высокий, даже выше Сергея, а у того рост был метр восемьдесят шесть... Значит, в этом элитном скакуне около метра девяносто.

Итак, помимо идеального сына у нас здесь ещё и красавчик. К счастью, к красавчикам у меня выработался иммунитет. Если уж я чего и вынесла из своих отношений с Сергеем, так это то, что парней нужно любить не за внешность и не за цитатки из фильмов. И чем непривлекательнее мужчина, тем лучше: меньше загребуших женских рук захотят прорваться к нему в трусы. Хотя почему я вообще об этом думаю?

— Привет, Гас. — Я приветливо улыбаюсь во все тридцать два зуба, чтобы красавчик не думал, что у него здесь монополия на белизну. — Много о тебе слышала и рада, наконец, познакомиться лично.

— Я тоже рад, Слава, — он забавно, по слогам произносит моё имя, и я не могу не отметить, какой у него глубокий вибрирующий голос. И, кажется, я слышу акцент. Английский? Парень протягивает руку в знак приветствия, но я делаю вид, что не замечаю её, и резко оборачиваюсь к его отцу.

— Прекрасный выбор места, Колин, — не снимая с лица доброжелательного оскала, я обвожу взглядом ресторан. — Спасибо, что собрал нас здесь.

— Это была идея Гаса. Правда, сын? — Он смотрит на своего отпрыска с теплотой и обожанием, и я снова завидую Гасу, даже больше, чем его длинным ресницам, потому что их, при желании, я смогу нарастить, а вот отцовскую любовь мне нарастить не по силам, как ни старайся. Папа всегда хотел сына и никогда не пытался скрыть, что моё рождение стало для него величайшим разочарованием. — Гас знает, как дорога мне Ирина, и предложил собраться всем вместе, чтобы отпраздновать твой визит к нам.

— Спасибо, Гас.

Я перевожу взгляд красавчика, и тот начинает улыбаться ещё шире. У нас здесь что, соревнование, чья нация дружелюбнее?

— Мы ведь почти родственники, Сла-ва.

Парень пожимает плечами, и рубашка натягивается на рельефе его бицепсов так, как мне не следует замечать. Он обходит стол и галантно придвигает стул маме, отчего та заливается румянцем и кокетливо убирает выбившуюся прядь за ухо. Идёт ко мне и проделывает то же самое. Вот только я не краснею и не хихикаю. Выдержанно роняю ещё один «фэнкс» и плавно опускаюсь на стул. Говорю же, иммунитет.

Подоспевший к этому времени официант разливает воду по бокалам с таким видом, словно решает уравнения Навье — Стокса, хотя, возможно, такое выражение лица — неперменный атрибут ресторанов высокой кухни.

— Как прошёл перелёт, Сла-ва? — спрашивает Гас, устремляя на меня взгляд своих индиго-глаз. Он выглядит искренне заинтересованным, поэтому я решаю не ограничиваться одним «нормально».

— На самом деле я очень боюсь летать, — признаюсь, делая глоток воды. — В самолёте мне приходилось несколько раз просить у стюардессы вина, чтобы снять напряжение.

Я прикусываю губу, потому что не хочу на своём примере подтверждать стереотипы о России: медведи, водка, балалайка. Кажется, мама подумала о том же, потому что, сладко улыбаясь мужчинам Леджер, лупит меня каблуком под столом.

— Я и сам часто спасаюсь бокалом вина в зоне турбулентности, — подхватывает красавчик, замечая моё